АМЕРИКАНСКИЙ СОЛДАТ ПОЛ МАКНЕЛИС (PAUL MCNELIS) РАССКАЗЫВАЕТ О ВОЙНЕ В ИТАЛИИ (1944-45)

Пол Макнелис служил в 85-й Пехотной Дивизии армии США – одного из подразделений, вынесших на себе основную тяжесть боев в Италии в 1944-45 гг. Дивизия участвовала в прорыве хорошо укрепленных оборонительных позиций противника на Линии Густава и Готской Линии. Вот как он описывает боевые действия на Итальянском фронте…

Немцы хорошо окапывались и укрепляли свои позиции. Бои были ожесточенными, напоминавшими времена Первой Мировой войны. Немцы воевали по-умному и прятались в складках местности. Мы атаковали вверх по склону и брали какую-то высоту, потом противник сбивал нас с нее. Если мы получали пинка под зад, наша артиллерия обрушивала снаряды на эту высоту. Мы снова шли в атаку и видели, что там, где был лес, остались только обгорелые пни. Потом небольшие группы, практически, разведывательные патрули, предпринимали попытки занять горные вершины. Они прощупывали позиции противника, пытаясь отыскать уязвимые места. Со временем кто-то находил брешь и просачивался, потом немцам становилось понятно, что мы обходим их, и они отходили вглубь, занимая следующую высоту. Вот такая это была война…

Макнелис вступил в армию добровольно в феврале 1943 г., покинув университетский колледж, в котором учился. Он рассказывал, что, «казалось, тогда все записывались в армию.» Недавний студент начал прохождение боевой подготовки в лагере Канберленд Гэп/Cunberland Gap и закончил его в лагере Маккэйн/McCain в городке Гренада/Grenada, штат Миссисипи. Макнелис прошел обучение в качестве командира расчета, освоил ручной пулемет BAR (Browning Automatic Rifle) и винтовку М-1. 25 апреля 1944 г. он отбыл в Европу и через 9 дней прибыл в Оран (Алжир). В этих пустынных местах жизнь была далека от комфортной, даже кружки для кофе были проблемой, и солдаты использовали вместо них пустые консервные банки из-под продуктов, входивших в С-рацион. Чтобы раздобыть еду получше, американские солдаты занимались бартером с местным населением.

Солдат вспоминал: «Нам раздали чехлы для матрасов, так мы стали продавать их арабам. Они использовали их в качестве своих [длинных] рубашек, прорезая дырки для рук и головы – что-то вроде воскресного костюма…»

Прибытие в Италию

Из Орана Макнелис отбыл в Неаполь на одном из судов британского конвоя. По прибытии он оказался в роте обслуживания (service company) в лагере для резервных частей 85-й Дивизии (replenishment depot - repple depple на жаргоне GI) в городке Казерта/Caserta.

Здесь я получил запомнившиеся мне первые военные впечатления. К нам привозили убитых *GI*, их складывали, как бревна. Эти трупы уже почернели. Я даже одно время думал, что это все – негры, настолько черными были тела погибших.

Когда в конце мая 1944 г. союзники начали наступление на немецкие позиции и сумели прорвать Линию Густава, окончился девятимесячный период безуспешных попыток союзников продвинуться вперед после высадки в районе Салерно. После прорыва

союзники стали продвигаться вдоль побережья на север в сторону Рима. 4 июня американские войска вошли в столицу Италии, и еще через день солдаты и офицеры 85-й Дивизии приняли участие в торжествах по случаю освобождения города.

Мы вошли в Рим колоннами по одному, продвигавшимися по обе стороны дороги. Через пару дней начались торжества. Генералу Марку Кларку (Mark Clark, командующий 5-й Армией) нравились развевающиеся флаги и толпы фотографов. Однако, наши солдаты его не очень уважали. Когда он прибыл в Рим, напротив дворца короля Виктора Эммануила состоялась большая церемония. Министр Обороны Стимсон (Henry Stimson) председательствовал. Рим стал первой занятой союзными войсками столицей государства из числа стран *Оси*.

Солдаты 85-й Дивизии маршируют через площадь Piazza Del Popolo в освобожденном Риме

Оставив Рим, фельдмаршал Кессельринг (Albert Kesselring) продолжил отступление. Он рассчитывал задержать продвижение союзников с помощью минных полей и арьергардных боев, жертвуя своими второразрядными частями и стараясь выиграть время для организованного отхода к укреплениям Готской Линии. Он полагал, что, замедляя наступление союзников, он сможет выиграть время до наступления дождливого осеннего сезона и холодной, снежной зимы, вместе с которыми активные боевые действия затихнут, как и в прошлом году в окрестностях Монте Кассино.

Мы оставались в Риме совсем недолго. Полевые части начали преследование немцев, которые отступали, не задерживаясь на каких-либо заранее подготовленных оборонительных позициях, нас задерживали только их арьергарды. Мы прошли около 15 миль на север от Рима, преследуя их. Затем меня перевели в Роту *E*, и с того момента я был постоянно в бою.

Марш на север

Скорость, с которой союзники продвигались на север от Рима производила впечатление. К началу августа американцы достигли Флоренции, пройдя 270 миль за 64

дня. Макнелис рассказывал, что впервые испытал, что такое настоящий бой, к западу Флоренции, в долине реки Арно. Здесь 85-я Дивизия заняла оборону по южному берегу реки в секторе протяженностью около 24-х миль. Как обычно, американцы отправляли на разведку патрули, чтобы прощупать оборону противника и захватить «языка», чтобы получить данные о дислокации и возможностях противника.

Пол Макнелис (видимо, в центре) с товарищами в Риме

Мы форсировали реку в районе города под названием Эмполи/Empoli. Нас разбросало вдоль берега реки. Ночью на разведку были отправлены патрули, было несколько перестрелок, но ничего серьезного. В какой-то момент времени командование батальона выдвинуло идею отправки вперед постоянных боевых патрулей. Они хотели, чтобы разведывательные патрули были в авангарде дивизии все время. По счастью, меня так и не отправили в патрулирование. Ребята из их числа долго не протянули…

13 сентября в поле зрения американцев появились передовые укрепления Готской Линии, и 85-я Дивизия пошла в атаку. Для солдат горы, маячившие вдали, выглядели как сплошная стена из скал, крутые склоны которых обрывались в сторону атакующих войск. В нижней части склона проходила проселочная дорога, ведущая к ферме, дальше были в основном козьи тропы. На вершинах ничего не было видно – деревья или зубчатые скалы. На склонах гор немцы заняли превосходные позиция для обороны. Пехота хорошо окопалась, укрылась за скальными выступами на господствующих высотах или в прочных зданиях. Еще один фактор работал в пользу немцев: у них была возможность размещать артиллерию и минометы на склонах гор, обращенных в противоположную сторону от противника, там, где их не могла достать артиллерия союзников. Сами немцы вполне могли накрыть огнем атакующие части американцев.

У них была превосходная артиллерия, в том числе – воющие реактивные минометы. Они наводили страх – было слышно, как их снаряды подлетают. Звук был такой, будто ревел грузовик, продвигающийся по обочине дороги. И хотя территория не годилась для использования танков, иногда можно было видеть их танки. Танки были вооружены 88-миллиметровыми пушками, стрелявшими с большой точностью. Они подгоняли танк к верхним бровкам вершинных поверхностей и использовали их как артиллерию тогда, когда мы пытались атаковать вверх по склону. Потом танк сдавал назад и перемещался в другой сектор обороны. Мы постоянно несли потери от их огня.

На первоначальной стадии наступления на Готскую Линию перед союзниками были два перевала, которые до этого больше чем год укрепляли рабочие Организации Тодт. Одним из них был горный проход Фута/Futa, хорошо укрепленный бетонными ДОТами и минными полями. Другим был горный проход Иль Джого/Il Giogo, укрепленный не так сильно, но узкий и ограниченный крутыми склонами. Кларк выбрал его для наступления и бросил в бой три дивизии. После пяти дней боев оборона противника была прорвана. Хотя у немцев не было заранее подготовленных позиций для отступления, перед американцами простиралась полоса гор шириной в 40 миль, отделявшая их от долины реки По. С точки зрения американских солдат эта полоса была просто продолжением Готской Линии. На этой стадии боев Макнелис получил должность исполняющего обязанности командира отделения, состоявшего из 15 человек, хотя остался в звании рядового 1-го класса.

За короткий период боев многие командиры отделений выбыли из строя. Обычно они первыми попадают в разряд потерь. Поэтому, меня и сделали исполняющим обязанности командира отделения. В течение нескольких месяцев я командовал отделением, оставаясь рядовым 1-го класса.

Подвиг лейтенанта Блока под Фиренцуолой

После боев за перевал Il Giogo следующей целью полка, в котором служил Макнелис, стал город Фиренцуола/Firenzuola, расположенный в 6 милях к северу. Это был последний город, находящийся в секторе 85-й Дивизии к югу от долины реки По. Город был взят 21 сентября, а на следующий день рота, в которой служил Макнелис, была прижата к земле пулеметным огнем с высоты 733 неподалеку от Поджо/Poggio – горной деревни, расположенной в двух милях от Фиренцуолы. В последовавшей атаке командир взвода, в котором служил Макнелис, - 1-й лейтенант Орвилл Блок (Orville Bloch), в одиночку уничтожил пять пулеметных гнезд противника и за этот подвиг был награжден Медалью Почета/Medal of Honor.

Я и еще три парня были вместе с ним. Нашей роте пришлось тяжело в ожесточенном бою за эту горную гряду. В итоге, мы взяли вверх и захватили около 50 пленных. Лейтенант Блок попросил меня и еще одного парня отвести этих пленных в тыл и сдать военной полиции. Вернувшись на передовую, я спросил, где находится Блок. Кто-то сказал: «Он отправился вон в ту деревню.» Я подумал, что будет лучше, если я доложу ему о своем возвращении, и пошел искать его. Пришлось карабкаться по крутому склону по единственной тропе, ведущей в деревню. Добрался до места, но сначала не мог понять, что происходит. Блок к тому времени уже разобрался с одной из пулеметных точек. Он приказал мне держать под огнем угол улицы, на которой все происходило. Я занял позицию, присмотрелся и увидел немцев. Открыл огонь и увидел, как они скрылись в окрестных домах. Я вошел в один из них и увидел немецкого солдата, просто пацана, который, вероятно, был не старше 15 лет от роду. Он лежал на столе, и его живот выглядел так, как будто кто-то взял нож и распорол его наискось. Пацан лежал и пытался руками удержать кишки на месте. Мы принесли морфий, небольшую ампулу, и я сделал ему укол. После этого я вышел из дома. Было жарко. Мы вновь спустились вниз по склону, поскольку наша передовая линия проходила за нашей спиной, и мы были в уязвимом положении. Мы просто не знали, где засели остальные немцы.

Как указано в документе о представлении к награде, на счет Блока записали 5 подавленных в тот день вражеских пулеметных точек, уничтожение неизвестного числа солдат противника и захват 19 пленных, в том числе, шестерых раненых. В дивизионной газете были приведены его слова: «Не думаю, что я попытался бы сделать это, если бы нацисты не выводили из строя наших ребят с такой скоростью. Я был так разозлен, что не отдавал себе отчет в том, что делаю.»

Когда дело дошло до допроса пленных, Блок хорошо знал, что нужно делать, и говорил по-немецки лучше самих немцев. Он был невысоким парнем, где-то 5 футов 3 дюйма, но управился с немцами и заставил их говорить, в какой-то момент прикладывая руку или то, что было под рукой, в другой - отвешивая им легкие пинки. Он действительно знал, как вести себя с этими немцами. Он старался запугать их, чтобы получить нужную информацию: расположение частей, номер их полка, сколько в нем людей, какие укрепления имеются в этом секторе – вещи такого типа… *После войны он прислал мне открытку, в которой спрашивал, получил ли я Бронзовую* Звезду, и при этом написал, что я заслужил *Крест за Отличие в Службе/Distinguished Service Cross*.

Тяготы на пути к долине реки По

После боев в окрестностях Фиренцуолы 85-я Дивизия начала продвигаться через горную местность со все более контрастным рельефом. Последняя значительная горная гряда Апеннин была захвачена к концу сентября, но до долины реки По оставалось еще 20 миль. 20 сентября начались дожди, которые лили всю следующую неделю. Ливни начались 29 сентября и продолжались до 9 октября. Русла рек и ручьев превратились в бурные потоки, смывающие дороги, тропы и мосты. Авиация союзников была прикована к земле, пушки приходилось затаскивать на позиции с помощью бульдозеров, и солдатам приходилось нелегко и физически, и психологически.

Все время под открытым небом жить невозможно. Нужно хоть какое-то укрытие. Мы – человеческие существа, и можем выносить все это только до определенного момента, после которого ни от кого уже нет никакого толку. Поэтому, где бы мы ни натыкались на ферму, на сенной сарай или на коровник, мы находили в них пристанище. И не забывайте, что все это происходило высоко в горах.

Говоря в общем, мы не оставались на передовой дольше, чем 15 дней подряд, в зависимости от ситуации. Самое долгое, что было, - три недели кряду. Потом нас отводили на позиции, закрытые [от противника] горными склонами, давали отдохнуть примерно один день, давали горячую пищу. В каждое отделение или взвод присылали повара, которые разогревали солдатам продукты из рационов.

А так, на передовой, мы выживали на *K*-рационах. Их подвозили ночью на мулах с водой и боеприпасами. На завтрак нам полагалась небольшая баночка с ветчиной и омлет, три галеты, четыре сигареты и растворимый кофе. На ланч – то же самое плюс порошковый лимонад. Вместо омлета, правда, нам теперь доставался кусок сыра. На ужин у нас была банка с говядиной и свининой. И мы были счастливы, что у нас все это было. *C*-рационы, конечно, были получше. В них продукты были разнообразнее, была ветчина с бобами, но нам эти рационы не доставались, потому что они занимали много места, и на мулах их не подвозили. Для передовой *K*-рационы были не так уж плохи. Одним их полезных свойств было то, что материал, из которого была сделана коробка, был пропитана парафином. Материала от коробки хватало на то, чтобы вскипятить на нем кружку кофе. Мой приятель Дэвид Милтон (David Milton) был первым, кто научил меня делать тосты с сыром. Открываешь банку, штыком вытаскиваешь сыр и держишь его над огнем, чтобы растопить сыр и залить им галеты. Но нужно было быть осторожным, разводя костерок: он мог навлечь огонь противника.

Солдаты 85-й Дивизии греются у костра, за ними наблюдает местный житель…

Иногда мы набредали на фермы. В них всегда можно было найти бочку вина, то есть, у нас появлялась выпивка. Случалось, на фермах был кто-то из местных. Полагаю, эти люди решались на то, чтобы остаться у себя в доме, рассчитывая, что война обойдет их стороной. Обычно они были настроены дружелюбно, да и мы ничего не заставляли их делать насильно. Но, если на ферме были цыплята, кто-нибудь обязательно крал их. Иногда мы меняли мясо из наших *K*-рационов на яйца. Это был единовременный бартер, и больше яиц те же люди нам не давали, поскольку местным наши *K*-рационы не очень нравились… Добыть еду было задачей не из легких, но еще труднее было держать себя в чистоте, не мокнуть и не мерзнуть. Когда мы снимались с передовой, нам иногда устанавливали душевые вдоль какой-нибудь речки – это случалось раз в три-четыре недели. Здесь мы могли заменить свою одежду на чистую, ранее взятую у других на стирку. Эти [банно-прачечные] подразделения работали эффективно, они забирали у нас все, что было на нас, и выдавали все чистое. Эти вещи не всегда подходили по размеру, но было приятно...

10 октября 338-й полк вышел на позиции, с которых начал атаку на Делла Формиче/Della Formiche – цепь вершин с обрывистыми склонами, имеющих важное значение для немцев, поскольку с них они держали под контролем Шоссе 65. Две деревни, расположенные у подножия этой гряды, были очищены от немцев после двух дней упорных боев.

Мы находились напротив Делла Формиче. Местность была довольно открытой, и мне приказали отправиться на разведку с группой из шести солдат – подняться на высоту напротив нас, которую только что накрыла огнем наша артиллерия, и осмотреться. Ну, продвигаемся вперед, стараемся оставаться незамеченными – дело-то было днем. Огня по нам не открывали, но, продвинувшись вперед, мы увидели группу крестьянских домов – три или четыре здания прямо перед обрывом. Мы добрались до них, пересекли двор перед одним из зданий, и тут я услышал шум в подвале… Я прокричал «*Quando Tadeski*», что означало по-итальянски «сколько немцев». Никто не ответил и не вылез оттуда. Ну я сказал что-то типа «Any more down there?» Я говорю: *Quanti?* - Думаю, что оттуда ответили: *Четверо*. - Я сказал: *Andante*, то есть, *Выходите*. Верите ли нет, они начали выходить из подвала. Всего из него вышло 10 или 12 немцев, а у нас-то всего-ничего людей. Мы уже не знали, как избавиться от этих немцев, но тут начали подтягиваться наши парни.

К вечеру мы укрепились на новых позициях, когда все наши вышли на новый рубеж из долины. Некоторые из нас устроились в небольшом здании, некоторые – в свежевырытых стрелковых ячейках. Наступила темнота, и немцы пошли в атаку. Они отсекли от нас

парней в здании и обстреляли их из того, что мы называли *beehives*, - оружие, похожее на базуку (возможно, речь идет о *панцершреках*). Много ребят тогда погибло. Вероятно, мы за час потеряли больше людей, чем в любом другом бою.

Бронзовая Звезда

Через день, за еще один бой за еще одну высоту гряды Делла Формиче, Макнелис был представлен к Бронзовой Звезде за храбрость. В датированным 12-м октября представлении к награде за проявленный героизм в бою близ населенного пункта Карпенначиа/Carpennacia на Высоте 754 к востоку от города Пельо/Peglio, говорилось следующее: «В ходе рекогносцировки позиций противника, осуществляя действия, выходящие за пределы полученного боевого задания, рядовой 1-го класса, командир отделения Макнелис, заметил батарею вражеских минометов. Игнорируя опасность, он пополз вперед, тогда как остальные солдаты его отделения прикрывали его продвижение. Он захватил троих пленных и вывел из строя минометы, приведя пленных в свою роту. Он сообщил точную информацию о том, что в данном секторе наступления уже не осталось частей противника. Его героические действия обеспечили захват этой высоты.

По словам Макнелиса, на самом деле все обстояло иначе…

Медали обычно дают тогда, когда ты оказался в нужном месте и кто-то это видел - тот, кто дает представления к наградам. Я мог бы рассказать вам о многих ситуациях, когда мы должны были получить награды, но ничего такого не произошло. Но, в том конкретном случае, мы только что захватили цепь высот и закрепились на ней. Погода была жаркая, и в моем отделении кончилась вода. Я говорю парню, которого звали Джон Макэливи (John MacAleavey), «Берем котелки и идем к ферме за водой.» Просто для себя решил, что там должен быть колодец. Ну, иду, несу котелки, у меня на боку пистолет *Р-38*, который я снял с убитого немца. Обычно я не брал ничего у пленных немцев и не снимал ничего с убитых, поскольку мы были в бою. Лучше было не иметь при себе что-то из ранее принадлежавшего немцам на случай, если попадешь к ним в плен. За это они могли и убить… Но иметь при себе пистолет было приятно. Макэливи в то время был пулеметчиком и вооружен был легким ручным пулеметом *BAR*. Подходим к ферме. Как и большинство домов такого типа, он стоял на склоне. От входа лестница вела сразу вверх на основной этаж. На нижнем этаже обычно была кухня. Много раз мы видели, как итальянцы держат там скотину, чтобы в доме было теплее… Каким-то образом я и мой приятель, войдя в дом, разделились.

В то время как его товарищи зачищают от немцев дом в окрестностях Болоньи, американский пехотинец прикрывает их, держа в руках легкий ручной пулемет BAR

Я поднялся наверх, зашел в дом и увидел сваленные на пол немецкие ранцы. Начал осматриваться, и в это момент поднялась стрельба. Я выскочил наружу, обежал вокруг дома и увидел, как Мак палит по окнам, словно ковбой - он застал врасплох немцев, находившихся на кухне. Я тоже начал палить из своего пистолета, и немцы вышли из дома с поднятыми руками. Они были из подразделения минометчиков, которые, чаще всего, не располагаются на передовой. Обычно они находятся на каком-то расстоянии от траншей, как и артиллерия. А вообще, бои за Делла Формиче были серьезными…

Ранение

Захват американцами позиций на гряде Формиче подорвал боевой дух немцев, и большое их число сдалось в плен. Примерно за полтора месяца с начала наступления на Готскую Линию дивизия захватила около 2 000 пленных. Полк Макнелиса постепенно продвигался на север через горы в направлении вершины Фано/Fano, которую она взяла 20 октября. Однако немцы продолжали вести арьергардные бои, и каждую ночь патрули американцев отправлялись в разведку, стараясь вступить в контакт с противником. К концу октября полк был готов атаковать укрепленные позиции противника в районе Пиццано/Pizzano и Орбега/Orbega – двух последних господствующих высот к югу от реки По, расположенные всего лишь в 8 милях от нее. 25 октября Макнелис был тяжело ранен осколками гранаты в ногу…

Мы спускались вниз по склону. Наш командный пункт располагался в сарае, и мы вырыли стрелковые ячейки по его периметру, чтобы обеспечить его безопасность в ту ночь. Я получил приказ организовать разведывательный патруль, чтобы убедиться в том, что немцы отошли. Мы вышли примерно в 11 часов ночи, было темно. Сержант нашего взвода, парень по имени Джексон (Jackson), приблизился ко мне, подойдя со спины, и спросил, где проходит наша передовая. Я ответил: «Видишь тот скалистый обрыв? Оставайся на одной линии с ним, поскольку там проходит наша передовая.» Ну, прошли мы еще ярдов 20, и тут раздался выстрел. Каким-то образом Джексон умудрился выйти за так называемую передовую линию, и кто-то из наших парней застрелил его. Мы вернулись к командному пункту, доложили о случившемся и снова двинулись вперед. Темнота полная… Мы вернулись примерно туда, откуда вернулись, начали бросать гранаты, стрелять и орать изо всех сил. Никакой реакции с противоположной стороны не последовало, и мы предположили, что немцы ушли. Когда мы вернулись на командный пункт, там уже были ребята из соседней части. Их разведгруппа еще до нас наткнулась на какой-то населенный пункт, откуда их обстреляли. Поэтому-то парни из соседней части пришли к нам, чтобы провести рекогносцировку вместе с нами. Дэвид Милтон и я снова отправились в путь вместе с ними. Было уже 4 часа утра. Темно, хоть глаз коли. На этот раз мы продвинулись немного дальше, чем в прошлый раз. Мы разглядели впереди стог сена высотой футов в 20. Милтон спросил: «Что мы собираемся делать?» Я ответил: «Обойди его с этой стороны, я пойду с другой.» Ну, двинулись вперед, встретились за стогом сена, и тут Милтон говорит: «Там стрелковая ячейка.» Он оказался прав: немцы действительно вырыли там окопчик. У меня было такое ощущение, что немцы ушли, поэтому я взял свою *М-1*, потыкал ею в эту яму и сказал: «Видишь, они ушли. Никого тут нет.» Не успел я сказать это, как какой-то немец открыл стрельбу. Должно быть, через окопчик был протянут телефонный провод, который я зацепил…

Макнелис рассказал, что он открыл огонь почти в упор и подстрелил немецкого солдата.

Он стонал, пытаясь выбраться из своего окопа, и я схватил его, верите или нет? Я пытался вытащить этого немца из его окопа! Зачем? Я и сам не знаю. Делаешь что-то, и все происходит чертовски быстро. В тот момент я не знал, что случилось с Милтоном. Я думал,

что он был убит, но недавно я узнал, что он попал немцам в руки и позднее умер от ран в плену.

Стрельба переполошила других немцев, и кто-то из них, по-видимому, из расположенной поблизости ячейки, швырнул гранату. Она упала на землю прямо за мной, взорвалась, я бросил немца, забежал за стог сена и помчался вверх по склону. Я не сразу понял, что меня зацепило, но потом почувствовал, что по моей ноге стекает кровь. Что-то надо было предпринимать.

По счастью, я разглядел два силуэта, две каски на фоне ночного неба, и закричал. Это были те парни из соседней части, которые пытались добраться до этого места еще до нас. Они-то и оттащили меня к командному пункту. С нами был санитар, который перевязал мою рану. Моя нога была напичкана осколками, из икры был вырван целый кусок плоти. С командного поста связались с батальоном, с батальонного перевязочного пункта, расположенного в миле или двух от нас пришли санитары с носилками, подобрали меня и оттащили в тыл.

Раненый солдат 85-й Дивизии получает медицинскую помощь от санитара

Операция и выздоровление

Макнелис рассказывает, что на следующее утро его на джипе отвезли к краю вершинной поверхности горной гряды. Затем его перекинули через спину мула и спустили вниз, в долину реки, где поджидал санитарный фургон. Его отвезли на перевязочный пункт близ Флоренции, а оттуда в госпиталь, расположенный близ города Leghorn (вероятно, речь идет о Ливорно) на западном побережье Италии.

Мы лежали на носилках, выложенных рядами, и ждали операции. Доктора работали сверхурочно. Я не знаю, насколько длинными были ряды носилок, но их было полным-полно. До того, как попасть на операционный стал, я, должно быть, спал, а когда проснулся, увидел, что парень, находившийся по соседству, лежит и рассматривает свою медаль *Пурпурное Сердце*. Я спросил: «Откуда это у тебя?» - Он ответил: «У тебя она тоже есть.» Я опустил голову и увидел такую же медаль на моих носилках. Итак, меня занесли в помещение и залатали и зашили мои раны. Я пробыл в Ливорно, возможно, около недели, потом решили, что меня лучше отвезти меня дальше в тыл, и отправили в Неаполь.

Через четыре дня после ранения Макнелис написал родителям письмо. По оптимистическому тону письма видно, что солдат не хотел огорчать родителей тем, что его рана была довольно серьезной:

Дорогие мама и папа,

Я думал, что лучше будет написать вам как можно быстрее и сообщить о том, что я получил легкое ранение. Надеюсь, это письмо дойдет до вас быстрее, чем официальная телеграмма, и вы не будет волноваться слишком сильно и будете знать, что со мной все в порядке. В 4 часа утра 25-го [октября] в паре мест на правой ноге меня зацепило осколками ручной гранаты, но я сумел добраться до своих с помощью [товарищей]. Я нахожусь в 64-м Госпитале и, вероятно, пробуду в нем какое-то время. Кормят тут великолепно, у нас есть простыни и пижамы, ожидается, что через день или около того я уже буду ходить.

Еще раз прошу вас не волноваться, в самом деле, сильных болей у меня не было. Я смогу писать вам довольно часто, так что ждите от меня писем, а я буду ждать писем от вас.

Ваш сын,

Пол

К этому времени бои во Франции приняли первостепенное значение, и ни у немцев, ни у союзников в Италии не осталось резервов для пополнения. Со дня перехода в наступление вдоль Готской Линии 5-я Армия США потеряла 17 388 человек убитыми и ранеными. Кроме того, у нее почти не осталось боеприпасов для артиллерии. В результате Кларк отдал приказ перейти к обороне. На этом фронте следующие пять месяцев были относительно спокойными: обе воюющие стороны закрепились на существующих позициях и пережидали дожди и снегопады зимнего периода. У Макнелиса было время, чтобы поправиться и расслабиться.

Наши палатки для поправляющихся были расположены в мандариновой роще близ города Казерта. Это было замечательное время. Мы объедались мандаринам так, что становилось дурно. Я думаю, меня держали в госпитале так долго потому, что доктора хотели уберечь мою кожу и мускулы на ноге от разрушения. У меня на ноге была постоянно влажная перевязка, доктора держали ее для того, чтобы пересаженная кожа приросла ко мне должным образом. В итоге пересаженная кожа засохла, им не удалось спасти ее. Как-то ко мне подошел доктор и сказал мне и парню, который лежал на соседней кровати: «Вам повезло. Вы оба отправляетесь домой.

Снова на фронте

Я подумал о том, что поверю в это, когда увижу, что это случилось. Я этого не увидел. Каждую пятницу группа врачей осматривала тех, кто, по их мнению, был готов к возвращению на фронт. Поэтому по четвергам, вечерами, парни брали мокрые махровые полотенца и начинали хлестать себя ими по ранам, чтобы они покраснели и выглядели незажившими. Они надеялись, что это поможет им задержаться в госпитале еще на недельку. Я, вместо того, чтобы использовать полотенце, застегивал пряжку на моем армейском башмаке потуже, прямо над одной из ран на лодыжке, и ходил так, чтобы рана покраснела и выглядела похуже. Это срабатывало, пока в одну из пятниц врачи не сказали: «Этот парень выглядит довольно хорошо. Пошлем его назад.» Так я оказался в *repple depple* в Казерте.

Макнелис вернулся в свою часть, в грязь и снег передовой в конце февраля 1945 г., теперь в чине сержанта. Многих из тех, кого он знал, уже не было, но некоторые знакомые еще оставались. Его рота занимала позиции на высотах горной гряды, с которой просматривалась Болонья. Солдаты вели наблюдения из стрелковых ячеек,

ходили в ночное патрулирование и перестреливались с такими же немецкими патрулями.

Одна из наших стрелковых ячеек находилась за полосой колючей проволоки. Как-то раз, в сильный туман, когда видимость была совсем небольшой, немцы подползли к этой ячейке и укрылись в ней, зная, что ее должны были занять наши. Полагаю, они хорошо знали, насколько четко мы следуем расписанию. Немцы дали нашим парням пробраться через проволочное заграждение, убили двоих и еще двоих захватили в плен…

К началу апреля войска союзников отдохнули, перегруппировались и получили все необходимое для атакующих действий. В ходе начавшегося наступления в направлении долины реки По оборонительные линии немцев были быстро прорваны. Основная часть их войск оказалась отрезанной, так как мосты через реку были разрушены действиями авиации союзников. Не имея снаряжения для ведения временных мостов, немцы начали сдаваться в плен тысячами. Сопротивление противника сошло к минимуму к 25 апреля 1945 г. Командующий немецкими войсками в Италии генерал фон Фитингхоф согласился на безоговорочную капитуляцию, которая вступала в силу в полдень 2 мая. Из письма Макнелиса родителям, написанного 28 апреля, можно заключить, что американские солдаты ожидали окончания войны со дня на день:

Дорогие мама и папа,

Надеюсь, вы не волновались из-за того, что давно не слышали ничего от меня. Как я уже говорил, я буду писать при первой возможности. Не сомневаюсь в том, что вы читаете в газетах о том, что происходит тут, у нас. Последние несколько недель боев были, вероятно, самыми легкими из всего того, что было с нами когда-либо, хотя нам приходилось быть на марше днями и ночами, так что мы здоров устали. Дела наши идут очень хорошо на всех фронтах. Чувствуется, что с *Джерри* вот-вот будет покончено. Авиация и партизаны сильно облегчили нашу жизнь. Многие [местные жители] счастливы, видя нас, тогда как другие настроены безразлично. Носятся слухи о том, что скоро всему конец. Мы надеемся, что он и в самом деле вот-вот наступит.

Ваш сын,

Пол

Победа

Когда мы прорвались в долину реки По из Апеннин, начался разгром. У немцев не было возможности удерживать свои позиции после того, как рухнула их оборона в горах. Они, может, и могли бы занять оборону вдоль следующего природного препятствия – реки По, но они были совершенно дезорганизованы, стараясь драпануть в Германию как можно быстрее. Мы, так или иначе, преследовали их. Иногда они вели арьергардные бои, пытаясь задержать нас, может, на полдня. В конце концов, мы подошли к окраинам Вероны и увидели, что мосты через реку взорваны. Но остался один мост, который наша авиация не разрушила до конца. Его перила все еще, вроде как, висели в воздухе, и вдоль них можно было продвигаться. Так мы перешли ту реку. Далее мы начали продвижение в сторону перевала Бреннер, соединяющий Италию с Австрией. Мы промаршировали 15 или 20 миль, не встречая никакого сопротивления. В итоге, нашу часть сняли с фронта и отправили обратно в Верону, где располагался штаб Дивизии. Там мы и оставались, когда подошел конец войне.

Кампания по освобождению Италии началась с высадки союзников в Сицилии в июле 1943 г. Макнелис прибыл в Неаполь в мае 1944 г. и в составе 85-й Пехотной Дивизии дошел до границы с Австрией в мае 1945 г.

Для GI празднование по случаю окончания войны в Европе не было особенно торжественным из-за того, что перед ними замаячила перспектива отправки на Тихий океан для участия в боевых действиях против японцев. Однако, вместо отправки в Японию, 85-я Дивизия была переброшена на границу Италии и Югославии, туда, где коммунисты пытались захватить приграничные части северо-восточной Италии и южной Австрии.

У нас было несколько боев в тех краях, потому что коммунисты хотели захватить северную Италию, которая была самой богатой частью страны с ее полезными ископаемыми и промышленными мощностями. Нашей задачей было сдержать их [коммунистов], так что для нас война еще продолжалась.

Заключение

22 октября 1945 г. Макнелис покинул Неаполь на борту итальянского лайнера Monticello. Через 14 дней, 8 ноября, сразу после своего дня рождения, он прибыл в США,

Служба в пехоте – это самое трудное. Не знаю, почему я уцелел. Вероятно, судьба, а может быть, и удача. Конечно, я молился все время. В окопах не так уж много атеистов. На самом деле, их там нет. Но я не считаю, что выжил благодаря этому, потому что немцы молились так же, как и я. Почему я выжил, а другие нет? Или почему так случилось со мной. А не с моим приятелем? Я думаю, все зависело от того, где ты находился в тот самый момент, это больше случай, а не что-то другое. Просто мне повезло.

Война – это трагедия. Многие из тех, кого я знал, во многих случаях, хорошие друзья, молодые парни, погибли. Но ты должен продолжать делать свое дело. Сейчас, в последние годы, я думаю об этом все больше, и не только о наших ребятах, но и о немцах. Близ Делла Формиче есть немецкое кладбище с 36 000 могил… Они были такими же солдатами, как и мы. Среди них были очень хорошие парни, и очень плохие.

Что касается конкретного человека, то война заключается в том, что некоторые могут вынести больше, чем другие. Наступает момент, когда человек сыпется – среди нас были отличные солдаты, которые просто ломались. Но среди нас были и такие, с которыми лучше было и не начинать воевать вместе. А то мы идем в атаку, поворачиваемся, а трое или четверо бегут назад. Пару месяцев их не видно. Их отправляют в тыл, переводят в Военную Полицию или еще куда-то, или отправляют до конца войны регулировать движение транспорта. Все дело было в том, сколько может вынести конкретный человек, и в этом отношении мы все были разными…

На военных дорогах Италии

Оригинальный текст - Richard A. Beranty
http://warfarehistorynetwork.com/daily/wwii/my-battle-up-the-boot-paul-mcnelis-in-the-italian-campaign/

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org